

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-24-37

УДК 94(37).08

«ЛУЧШЕ ТРАЯНА»: О СОСТЯЗАНИИ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО СО СВОИМ ВЕЛИКИМ ПРЕДШЕСТВЕННИКОМ

Миролюбов Иван Андреевич

Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Россия
peter-herzog@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере правления императора Константина Великого (306–337 гг.) рассматривается такая римская политическая практика, как подражание (*imitatio*) великим деятелям прошлого. Обусловленная римским традиционализмом, она играла большую роль в истории римской империи, особенно в период политической нестабильности, когда новый правитель нуждался в завоевании общественных симпатий. В качестве объекта подражания Константин избрал одного из наиболее почитаемых предшественников – Траяна (98–117 гг.). Изучение этого явления возможно благодаря большому объему источникового материала: это и высказывания самого Константина, и нарративная традиция, создававшаяся в его время и позже, под влиянием его воззрений, и памятники материальной культуры (монеты, надписи, скульптуры, постройки). Подражание Траяну, благодаря тщеславию Константина, вышло далеко за рамки ориентации на лучшие качества и достижения предшественника и приобрело форму состязания в славе. Желание превзойти Траяна оказало огромное влияние на выстраивание Константином своей внешней политики. В частности, под впечатлением от кампаний предшественника им был осуществлен поход за Дунай и запланирован поход на Восток. Осознание Константином собственного превосходства способствовало и тому, что в исторической литературе во времена Константина и после его правления появился акцент на негативной стороне личности Траяна, а сам он перестал быть безусловным образцом для правителей Римской империи. Самому же Константину удалось занять эту позицию и стать ориентиром для последующих поколений императоров.

Ключевые слова: Константин Великий, Траян, римские императоры, Поздняя Римская империя, политическая культура Древнего Рима, *imitatio* как политическая практика, античная нарративная традиция.

MELIOR TRAIANO: ABOUT CONSTANTINE THE GREAT'S DESIRE TO EXCEED HIS GREAT PRECEDOR

Mirolubov Ivan A.

Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
Moscow, Russia
peter-herzog@yandex.ru

Abstract. The article examines a Roman political practice – imitation of great figures of the past – using the reign of Emperor Constantine the Great (306–337 AD) as an example. Determined by Roman traditionalism, that practice played a major role in the history of the Roman Empire, especially during periods of political instability, when a new ruler needed to win public sympathy. Constantine chose one of his most revered predecessors, Trajan (98–117 AD), as an object of imitation. The study of this phenomenon is possible due to the large volume of source materials which include speeches of Constantine himself; the narrative tradition created in his time and later, under the influence of his views; and monuments of material culture (coins, inscriptions, sculptures, buildings). Imitation of Trajan, thanks to Constantine's vanity, went far beyond the focus on the best qualities and achievements of his predecessor and took the form of a competition in glory. The desire to surpass Trajan had a huge impact on the development of Constantine's foreign policy. In particular, under the impression of his predecessor's campaigns, he carried out a campaign beyond the Danube and planned a campaign to the East. Constantine's awareness of his own superiority also contributed to the fact that in the historical literature during the time of Constantine and after his reign, an emphasis appeared on the negative side of Trajan's personality, and he himself ceased to be an unconditional example for the rulers of the Roman Empire. Constantine himself managed to take this position and become a reference point for subsequent generations of emperors.

Keywords: Constantine the Great, Trajan, Roman emperors, Late Roman Empire, political culture of Ancient Rome, imitatio as a political practice, ancient narrative tradition.

Цитирование: Миролюбов И.А. «Лучше Траяна»: о состязании Константина Великого со своим великим предшественником // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 24–37. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-24-37 / Mirolubov I.A. Melior Traiano: About Constantine the Great's Desire to Exceed His Great Precedor, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 3. Pp. 24–37. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-24-37.

© Миролюбов И.А., 2024

Политическая культура Древнего Рима для обеспечения преемственности тяготела к поиску опоры в прошлом, подбирая соответствующие примеры. Этот подход хорошо охарактеризовал император Клавдий (41–54 гг.¹): «...то, что мы сегодня подкрепляем примерами, тоже когда-нибудь станет примером»² (Тас. Анн. XI, 24). Для самих императоров примерами были их предшественники, получившие достойную репутацию в римской исторической памяти. Первым среди них и по очередности, и по достоинству был основатель империи Август (27 г. до н.э. – 14 г.). В своих мемуарах он писал: «Я восстановил многие обычаи предков <...> и сам оставил потомкам много примеров, достойных подражания»³ (Res Gest. 8.5). Подражание «хорошим» императорам прошлого со временем стало необходимым атрибутом правления. Это нашло выражение в поздравительной формуле в адрес императора, в которой сенаторы желали ему быть «счастливее Августа и лучше Траяна» [Strobel, 1993, S. 319]. Подражание (*imitatio*) могло приобретать самые разнообразные формы: кроме вполне очевидного следования политическому курсу, претендент на соответствие мог принимать имя почитаемого им императора или даже копировать его модели поведения и внешность. Особенно актуальной идея подражания оказалась в III в., когда империю охватил всеобъемлющий кризис. Стремясь связать надежду на восстановление стабильности со своей фигурой, императоры обращались и к фигурам прошлого – как видно на примере коммеморативной монетной чеканки, выпущенной императором Децием Траяном (249–251 гг.) в честь выдающихся предшественников [Циркин, 2009, с. 321–322]. Выход из кризиса пришелся на время правления императора Диоклетиана (284–305 гг.), а завершило стабилизацию империи уже долгое правление императора Константина Великого (306–337 гг.).

Константин Великий осознавал масштаб своей личности и работал над созданием такого своего образа, который должен был получить закрепление в исторической памяти. Сопоставление себя с великими императорами прошлого имело для него большое значение, коль скоро сам он претендовал на славу нового основателя Римского государства, третьего после царя Ромула и императора Августа [Миролюбов, 2021а]. В этой связи фигура императора Траяна, считавшегося наилучшим, наравне с Августом, императором [Bennett, 1997, p. 208–216], должна была привлечь его особое внимание. Связь имиджа Константина с образом Траяна может быть изучена на достаточно богатом источниковом материале, так как она проявилась и в высказываниях императора, и в нарративной традиции, и в монетной чеканке, которая через изображения и лозунги рассказывала населению империи о деятельности прославляемого персонажа.

Константин был провозглашен императором войсками в Британии 25 июля 306 г., и первые годы правления он использовал для укрепления своего положения. Сама империя в это время была поделена на сферы влияния противоборствующих

¹ Здесь и далее указываем даты правления императоров. Опираемся на хронологию, представленную в работе: [Keinast, 2004].

² Перевод А.С. Бобовича.

³ Перевод А.Л. Смышляева.

императоров, и Константину еще предстояло достичь единоличной власти. Первым объектом его подражания был отец, император Констанций Хлор [Миролюбов, 2021b, с. 96–98], однако исследователи отмечают интерес молодого императора к личностям Августа и Траяна [Wright, 1987, p. 496–505; Bardill, 2012, p. 11]. В октябре 312 г., после победы над императором Максенцием, Константин стал единоличным правителем запада Римской империи, взяв под своей контроль Италию и Рим. В III в. императоры, большую часть времени проводившие в походах, посещали Рим по возможности, а в IV в. визиты императоров в Рим станут редкостью [Humphries, 2015, p. 151–153]. Соответственно, прибытие императора в город было значимым событием. Программа пребывания Константина в городе в октябре–декабре 312 г. [Barnes, 1982, p. 71] подразумевала и его взаимодействие с римским сенатом. К IV в. сенат утратил большую часть административных функций, однако в системе государственной власти сохранял почетную позицию [Arnheim, 1972, p. 21–38; Talbert, 1984, p. 488–491]. Это, в свою очередь, позволяло сенату наделять императора почестями, которые, при грамотном подходе, могли обеспечить ему общественные симпатии. Известно, что сенаторы удостоили Константина почетного статуса «старшего Августа» (*senior Augustus*), который формально ставил его выше всех прочих императоров того времени, действовавших на территории империи¹, а также титула «Наилучший» (*Optimus*) [Odahl, 2004, p. 109–111]. Это почетное наименование в истории Рима имело прочные ассоциации с Траяном, пожелания сравняться с которым, вероятно, звучали в ответных славословиях сенаторов. Константин был явно польщен этой почестью, коль скоро на монетах, выпускаемых подконтрольными ему монетными дворами, начинает чеканиться формула: «Сенат и народ Рима — наилучшему (*optimo*) принцепсу» [Sutherland, 1967, p. 222; 297; 390; 407; 410; 434].

Пребывание в Риме, где Константин до того ни разу не бывал, должно было ближе познакомить его с деятельностью Траяна, прозвищем которого он дополнил свою титулатуру и на которого ему теперь предстояло равняться. Несмотря на то, что фигура императора отстояла от означенной эпохи на 200 лет, Траян почитался в Риме, что видно по устройству цирковых состязаний в день его рождения, 18 сентября [Kienast, 2004, S. 122]. Константин должен был присутствовать на них хотя бы раз, в 315 г., когда находился в Риме с июля по 27 сентября [Barnes, 1982, p. 72]. В самом городе о Траяне напоминало несколько знаковых сооружений: форум, библиотечные комплексы, колонна с рельефными изображениями кампаний Траяна, храм, посвященный ему как божеству, а также комплекс терм [Bennett 1997, p. 150–163]. В 357 г. сын Константина, император Констанций, при посещении форума Траяна будет поражен и разочарован тем, что он не в силах украсить вечный город каким-либо новым памятником (*Amm. Marc. Res. Gest. XVI, 10.15*). Сходное ошеломление, возможно, испытал и Константин, коль скоро обилие памятников Траяну побудило его к критическому выпадку: он обозвал этого правителя «травой, растущей по стенам»

¹ Император Диоклетиан закрепил коллективный характер императорской власти; с его отречением каждый из соправителей стремился упрочить свой статус, но коллективное начало номинально сохранялось. Статус императора подчеркивался через очередность упоминания в почетных надписях, государственных документах и т.д. Соответственно, статус *senior Augustus* позволял Константину требовать от прочих императоров, с кем он в тот момент не воевал, признания своего старшинства.

(шутка известна из трех источников, при этом авторство Константина отмечается двумя из них [Van Dam, 2007, p. 88]). Шутка отражает хорошо зафиксированное древними авторами тщеславие императора, а также указывает на начавшееся состязание в славе двух императоров. В отличие от своего сына, Константин с 312 г. взялся за масштабную программу наполнения города памятниками самому себе. Аврелий Виктор отмечает множественность его статуй, в том числе из драгоценных металлов (Aug. Vict. De caes. 40.28). В Риме сохранились фрагменты даже двух колоссальных статуй (предположительно, до 12 м) из мрамора и бронзы [Kleiner, 1992, p. 438–441]. Префектом Рима Аницием Паулином только за время его каденции (27 апреля 334 г. – 30 декабря 335 г.) было установлено сразу две статуи императора, одна из которых была конной [Chastagnol, 1962, p. 90–92]. Сенаторы поместили посвященные надписи Константину на всех постройках его предшественника, из которых самая известная – начатая Максенцием и достроенная уже при Константине грандиозная базилика [Richardson, 1992, p. 51–52]. Также было начато сооружение триумфальной арки, для украшения которой брали рельефы с более ранних сооружений, в том числе и времени Траяна [Richardson, 1992, p. 24–25].

Впрочем, состязание в славе с Траяном требовало куда больших усилий во внешне-политической сфере, так как оно подразумевало масштабные завоевательные кампании, соразмерные Дакийским и Парфянскому походам этого императора. Константин, с 306 г. контролировавший Галлию, к 312 г. уже провел несколько кампаний против германцев, обороняя Рейнский рубеж [Barnes, 1982, p. 69–71; Kienast, 2004, S. 298–299]. В период 310–313 гг. он даже принял почетный титул «победитель всех народов», который чеканился на его золотых монетах [Sutherland, 1967, p. 222]. Однако кампании Константина имели своей целью защиту существующих провинций, тогда как походы Траяна привели к образованию новых – Дакии, Аравии Петрейской, Месопотамии, Ассирии [Wesch-Klein, 2016, S. 106–108, 110, 119–120, 138–139]. Столь грандиозные территориальные приобретения можно было бы надеяться повторить только при контроле над всеми ресурсами империи, однако Балканы и Римский Восток по ситуации на 315 г. находились под контролем императора Лициния, зятя (мужа сестры) Константина. Период 315–324 гг. характеризуется усилиями Константина по сокрушению своего соперника. Первый этап кампании не привел к падению Лициния, но обеспечил Константину контроль над Балканами (кроме Фракии) и Дунайским рубежом. Константин достаточно тщательно стал осваивать новые территории: характерно, что он перевозит в регион семью, а в качестве своих ставок выбирает такие города, как Сирмий (совр. Сремска Митровица), Сердика (совр. София) и Фессалоники [Миролюбов, 2024, с. 149–151]. Контроль над новым рубежом империи – Дунайским – потребовал интенсификации по обороне границ империи. Весной 323 г. император сражается с вторгшимися в пределы империи готами, а летом – отражает вторжение сарматов [Barnes, 1982, p. 75]. Обе кампании были осуществлены на правом, римском берегу Дуная. Вероятно, что их успешность побудила Константина задуматься о восстановлении созданной Траяном задунайской провинции Дакии, которая была утрачена империей в 272 г. [Hendzel, 2023, p. 2–11]. Однако планы эти пришлось отложить, так как в 324 г. началась вторая война между Константином и Лицинием. Константину

удалось изгнать соперника из европейской части империи, нанести ему поражение на море и затем разбить уже на территории Малой Азии [Barnes, 1982, p. 85–86; Kienast, 2004, S. 299–300]. Главное сражение состоялось 18 сентября 324 г. при Хрисополе (совр. Ускюдар, район Стамбула): Константин одержал победу, а Лициний, отошедший к Никомедии (совр. Измит), сдался на следующий день. Примечательно, что в качестве праздничной даты Константин выбрал именно 18 сентября, день рождения Траяна, а не 19 сентября¹. Проводимые в этот день в Риме триумфальные игры, таким образом, заслоняли цирковые состязания, проводившиеся в честь Траяна [Divjak, Wischmeyer, 2014, S. 305–306]. После победы над Лицинием, объединив империю под единоличной властью, Константин мог сосредоточиться на организации похода за Дунай и восстановлении провинции Дакии.

Подготовка к будущему походу началась со строительства моста через Дунай, который должен был заменить некогда построенный Траяном и затем демонтированный [Griggs, 2007]. Торжественное открытие моста, отмеченное памятной монетной чеканкой, состоялось 5 июля 328 г. [Madgearu, 2013, p. 311–312]: будучи длиной свыше 2,4 км, этот мост был наиболее протяженным в истории римского инженерного и строительного искусства [Odahl, 2004, p. 226; Hendzel, 2023, p. 11–15]. Планируемому походу предшествовала интенсивная подготовка. В период с 329 по 334 гг. Константин осуществил несколько кампаний против готов и сарматов [Barnes, 1982, p. 78–79; Odahl, 2004, p. 226–227; Potter, 2013, p. 285; Hendzel, 2023, p. 11–37]. Примечательно, что, кроме военного метода, император также активно задействовал дипломатические средства. Византийская традиция сообщает о посылке Константином даров за Дунай с целью рассорить местные племена (Sym. Mag. Chron. 88.4). Племянник Константина, Юлиан, отмечал, что активное соперничество, инициированное императором между племенами, использовалось им в качестве наглядного пособия по внешней политике для его сыновей (Iul. Orat. I, 12a–b). Главная кампания по восстановлению контроля Рима над задунайскими территориями состоялась в 335/336 гг. Точная ее дата нам неизвестна: составитель хронологической таблицы правления Константина Т.Д. Барнс поместил ее в рамки 336 г. [Barnes, 1982, p. 80]; А. Маджару, на основе имеющихся свидетельств о перемещениях императора, предположил, что кампания состоялась летом–осенью 335 г. [Madgearu, 2013, p. 315–316], тогда как Я. Хендзель локализовал ее в промежутке между 7 ноября 335 г. и 22 августа 336 г. [Hendzel, 2023, p. 38]. Точная датировка в рамках существующего диапазона – 335–336 гг. – для нас непринципиальна, так как уже сам диапазон достаточно говорит о замысле Константина. В период с 25 июля 335 г. по 25 июля 336 г. продолжался юбилейный, тридцатый год пребывания Константина в императорском достоинстве. Столь долгое обладание титулом было абсолютным рекордом среди всех преемников Августа. Константину было уже больше шестидесяти лет, однако он демонстративно бравировал прекрасной физической формой на военных маневрах. Синхронизацию кампании с юбилейными торжествами отмечал Ч.М. Одал, полагая, что она, задуманная зимой 335/336 гг., была осуществлена весной, как раз накануне

¹ Это был день рождения императора Антонина Пия [Kienast, 2004, S. 134].

кульминации торжеств 25 июля 306 г. [Odahl, 2004, p. 261–262]. Кампания скудно описана в дошедших до нас источниках; территориальный контроль и продолжительность существования «восстановленной Дакии» являются предметом научной дискуссии [Madgearu, 2013, p. 315; Doležal, 2022, p. 379–380; Handzel, 2023, p. 39–48]. Несомненно, однако, что Константин в 336 г. мог рассматривать результат как большую победу. Известно, что им был принят победный титул «Дакийский величайший» [Kienast, 2004, S. 302]. Принятие подобных титулов в случае крупных побед было старинной римской традицией. Основными противниками Константина в этой кампании были готы, победа над которыми должна была бы доставить ему титул «Готский (величайший)». Однако этим титулом Константин за прошлые победы был увенчан уже дважды. Впрочем, явно не итеративность титула смутила императора: титула «Сарматский величайший» он удостоивался три раза, а «Германский величайший» – четыре [Kienast, 2004, S. 302]. Титул «Дакийский» прочно ассоциировался с Траяном, применительно к которому означал и землю, и народ, которые он покорил. Константин, принимая титул, подчеркивал не столько факт территориальных приобретений, сколько повторение подвига Траяна. Восприятие Константином своего свершения описано в сатирическом ключе его племянником Юлианом. Изображая Константина на пиру олимпийских богов, он вкладывает в его уста надменные слова (в переводе Т.Г. Сидаша): «Сколько земель он (Траян. – И.М.) приобрел, столько же я вернул, а возвращать, поистине, не меньшее дело, чем впервые приобрести» (Iul. Caes. 329 c).

Сразу после Дакийской кампании Константин переключил свое внимание на восточное направление [Odahl, 2004, p. 272–275; Doležal, 2022, p. 385–389]. Парфянская кампания Траяна в свое время сильно расширила контроль Рима над Востоком, однако трудности с удержанием этим территорий обнаружились еще при его жизни, а его преемник Адриан отказался от контроля над ними [Bennett, 1997, p. 186–207]. В отличие от задунайского направления, на восточном треке Траян потерпел неудачу, что открывало перед Константином возможность не только сравниться в славе, но и превзойти своего соперника. С. Долежал, скептически оценивая Дакийскую кампанию Константина, видит в планируемом восточном походе попытку реванша над Траяном [Doležal, 2019; Doležal, 2022, p. 385]. С начала III в. место Парфии в качестве восточного соседа империи заняла Персидская держава Сасанидов, на которую Константин и намеревался идти походом. Подготовка обнаруживает амбиции императора: в 335 г. он наделяет своего племянника Ганнибалиана титулом «царь царей и народов Понта», который дает ему контроль над зависимыми от Рима территориями вокруг Черного моря и обозначает претензию на престол Персии [Kienast, 2004, S. 308]. Победа в этой кампании сулила, таким образом, грандиозные изменения самой структуры античной ойкумены [Миролюбов, 2021, с. 172–178]. Придворный биограф Константина, епископ Евсевий, отмечает также посольства к императору от правителей Индии, которые декларировали номинальную покорность императору (Eus eb. Vita Const. IV, 50). Интерес к Индии, навевавший мысли о состязании уже с самим Александром Македонским, также мог быть частью состязания с Траяном. Тот, в свою очередь, жалел, что слишком стар для походов в эти далекие земли [Bennett, 1997, p. 202].

Восточный поход, однако, не состоялся. В мае 337 г. Константин стал ощущать недомогание и, после посещения водного курорта, не принесшего улучшения состояния, скончался 22 мая [Barnes, 1982, p. 80; Potter, 2013, p. 290–291]. Обстоятельства смерти и передачи власти сыновьям Константина до некоторой степени напоминают события вокруг смерти Траяна. Как и Траян по некоторым данным, Константин не обозначил план передачи власти и не назвал никого конкретно из своих сыновей и племянников преемником [Миролюбов, 2021, с. 172–187]. На преемника Траяна, Адриана, это бросило тень подозрений в сговоре с женой Траяна [Bennett, 1997, p. 205–206], тогда как сыновей Константина обвиняли в инспирировании военного мятежа, устранившего всех потенциальных претендентов, кроме них [Burgess, 2008].

Рассмотрев состязание Константина с Траяном в сфере внешней политики, отметим, что велось оно и в сфере формирования исторического нарратива. В правление Константина историописание, пришедшее в упадок в рамках масштабного кризиса III в., возобновляется: при дворе императора творят Лактанций, Евсевий, Праксагор Афинский, а также закладываются основы для дальнейшего развития исторической литературы [Winkelman, 2003]. Вполне возможно, что и сам император мог опробовать свои силы в литературном творчестве. Византийский антиквар Иоанн Лид в своем трактате «О магистратах» дважды сослался на некие записки («Рассуждения») Константина, которые Г. Петер в свое время включил в составленное им собрание фрагментов не дошедших до нас полностью трудов римских историков [Peter, 1883, p. 364–365]. В первом фрагменте речь шла о городском управлении Константинополя, во втором – о подготовке к внезапному нападению на персов. Два эти фрагмента позволяют предполагать, что они входили в некое мемуарное сочинение. Воспоминания Константина о пережитом им видении Креста и характеристики императоров прошлого, в том числе и старших современников, приведенные у Евсевия (Euseb. Vita Const. I, 28–31; II, 49–50), указывают, что над подобного рода мемуарным сочинением император если не работал, то размышлял. Благодаря цитате грамматика Присциана известно, что Траян также написал воспоминания о Дакийской кампании [Peter, 1883, p. 324], однако это единственное упоминание говорит об отсутствии читательского интереса к этому сочинению. Примечательно, что в «Палатинской антологии» под именем Траяна сохранилась эпиграмма, в забавной форме описывающая солнечные часы. Специалисты отмечали, что в ней допущена метрическая ошибка [Page, 1981, p. 560–561]. В этой связи любопытно, что в литературе IV в., после эпохи Константина, появляются критические замечания об образованности Траяна: у Юлиана отмечается, что он ленился писать речи и поручал это своему советнику Лицинию Суры¹ (Iul. Caes. 327 a–b); после смерти Суры эта обязанность перешла к его племяннику Адриану, как указано в его жизнеописании – фрагмент цитировался позднеантичным автором [Peter 1883, p. 324]; подражатель Аврелия Виктора, писавший в конце IV в. и обычно публикуемый в корпусе его трудов, отмечал у Траяна скудное образование и отсутствие красноречия (Ps.-Aur. Vict. Epitome de caes. 13.8). На этом фоне старательная демонстрация

¹ Примечательно, что Юлиан был критично настроен к своему дяде [Миролюбов, 2021, с. 26–27], но при этом находился под влиянием его взгляда на римскую историю.

Константином учености и красноречия становится понятна; вероятно, что именно она и способствовала критическим выпадам в адрес Траяна. Кроме того, осуждается и такой порок Траяна, как пьянство. О пристрастии Траяна к вину было хорошо известно современникам: о них упоминал в мемуарах тот же Адриан [Peter 1883, p. 324]. Однако недостаток этот, бывший атрибутом многих деспотов, старательно затушевывался, вплоть до того, что в письмах сенатора Плиния Младшего мы находим нарочито идиллическое описание застолья у императора на вилле [Миролюбов, 2022, с. 858–860]. В эпоху после Константина пьянство становится неременным элементом почти любого рассказа о Траяне [Миролюбов, 2022, с. 860]. На этом фоне Константину было удобно бравировать своей воздержанностью.

Подводя итог, нельзя не отметить, что состязание Константина с Траяном, хотя и не упоминаемое авторами прямо, имело место и оказало существенное влияние на деятельность первого. Не станем утверждать, что такие важные факторы внешней политики, как поход за Дунай и планируемая кампания против персов, были обусловлены только тщеславным стремлением превзойти наилучшего императора, однако свою роль оно здесь сыграло. Насмехаясь над Траяном, Константин также не удовлетворился одной только шуткой про растущую по стенам сорную траву, но и повлиял на изменение образа своего соперника в историографии: не отказывая ему в военной славе и мудром управлении, авторы стали подчеркивать его скудное образование и алкоголизм. Главным результатом целенаправленной деятельности Константина стало и то, что Траян утратил не только статус «наилучшего», но и перестал быть безусловным образцом. Сам же Константин приобрел статус образца. Несмотря на критические взгляды на его личность и правление, ставшие возможным после его смерти и завершения истории его династии, он оставался наиболее влиятельной фигурой римского прошлого. Его культ был упрочен в правление сыновей, особенно стараниями сына Констанция [Миролюбов, 2018]. В середине IV в. историк Аврелий Виктор, хотя и осмысляющий личность императора критически, признавал существование взгляда, согласно которому Константин обновил Римское государство (Aur. Vict. De caes. 41.17). Личность императора стала неременным элементом идеологической базы любого претендента на титул и власть [Миролюбов, 2023; Миролюбов, 2024]. Логическим продолжением такого подхода станет то, что правление Константина превратится в исторический водораздел, от которого станет отсчитываться начало новой эпохи. Это обусловит желание императора Феодосия-мл., иницируя кодификацию предписаний римских императоров, начать сбор документов именно с эпохи Константина. Церковные же историки, писавшие при этом императоре, возьмут правление Константина за начальную точку своих повествований [Haggies, 1994; Leppin, 2003]. На смену желанию «быть лучше Траяна» придет почетное прозвище «новый Константин». Оно будет затем сохранять актуальность и в восточно-римской (византийской) политической культуре, и вне ее [Odahl, 2004, p. 282–283].

Репутацию Траяна отчасти восстановило то обстоятельство, что его родственником считал себя император Феодосий Великий. Однако Феодосий, живший и правивший в эпоху «после Константина», не мог не учитывать негативный нарратив о Траяне.

Это, в свою очередь, сказывалось на формировании публичного образа императора: Феодосия изображали нарочито воздержанным за столом, чтобы показать его превосходство над Траяном [Миролюбов, 2022].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Император Юлиан. Пир на Кронии (или Кесари) // Император Юлиан. Полное собрание творений. СПб.: Квадривиум, 2016. С. 213–248.

Миролюбов И.А. «Сын божественного Константина»: об особенностях культа Константина Великого в правление императора Констанция // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 1(59). С. 152–160.

Миролюбов И.А. Imitatio Romuli в пропаганде Константина Великого // Nuntia vetustatis: Памяти Ии Леонидовны Маяк. Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2021а. С. 152–164.

Миролюбов И.А. Династическая политика императора Константина Великого. СПб.: Алетейя, 2021b. 224 с.

Миролюбов И.А. Дрепаній о пирах императора Феодосия Великого // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. № 26–2. С. 854–862.

Миролюбов И.А. О перемещениях жен римских императоров рубежа III–IV вв. // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2023. № 31. С. 134–167.

Миролюбов И.А. О принадлежности узурпатора Прокопия к дому Константина Великого // Восточная Европа в древности и средневековье. 2024. Т. 36. С. 142–146.

Миролюбов И.А. Осмысление личности императора Константина Великого в IV–V вв. // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций: Сборник статей. СПб.: Изд-во РХГАН, 2023. С. 335–349.

Октавиан Август. Деяния божественного Августа // Хрестоматия по истории Древнего Рима. Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1987. С. 166–176.

Тацит. Анналы // Тацит. Сочинения: Т. 1. Под ред. Я.М. Боровского Л.: Наука, 1969. С. 7–326.

Циркин Ю.Б. Император Деций: попытка возрождения Рима // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2009. Вып. 8. С. 313–328.

Ammianus Marcellinus. History. In 3 vols. Cambridge (MA)–London: Harvard University Press; William Heinemann LTD, 1986. 583 p.

Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. 272 p.

Bardill J. Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age. New York: Cambridge University Press, 2012. 440 p.

Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge–London: Harvard University Press, 1982. 305 p.

Bennett J. Trajan Optimus Princeps. A Life and Times. London: Routledge, 1997. 312 p.

- Chastagnol A.* Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire. Paris: Nouvelles Éditions Latines, 1962. 348 p.
- Divjak J., Wischmeyer W., hg.* Das Kalenderhandbuch von 354 – Der Chronograph des Filocalus. Bd. 2. Wien: Verlag Holzhausen, 2014. 637 S.
- Doležal S.* Constantine's military operations against the Goths and the Sarmatians in 332 and 334 // *Eirene. Studia Graeca et Latina*. 2019. № 55 (1–2). Pp. 231–257.
- Doležal S.* The Reign of Constantine, 306–337. Cham: Springer International Publishing, Palgrave Macmillan. 2022. 480 p.
- Eusebius. Werke. I. Band: Über das Leben Constantins. Constantins Rede an die heilige Versammlung. Tricennatsrede an Constantin: herausgegeben von I.A. Heikel.* Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1912. 358 s.
- Griggs F.E.* Trajan's Bridge: The World's First Long-Span Wooden Bridge // *Civil Engineering Practice*. 2007. № 22 (1). Pp. 19–50.
- Harries J.* Pius princeps: Theodosius II and fifth-century Constantinople // *New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, 4th–13th Centuries*. Ed. by P. Magdalino. Aldershot: Variorum, 1994. Pp. 35–44.
- Hendzel J.* The reconquest of Dacia by Constantine the Great // *Byzantinische Zeitschrift*. 2023. № 116 (1). Pp. 1–52.
- Humphries M.* Emperors, usurpers and the city of Rome: performing power from Diocletian to Theodosius // *Contested monarchy. Integrating the Roman Empire in the fourth century AD*. Ed. by J. Wienand. New York: Oxford University Press, 2015. Pp. 151–168.
- Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. 399 S.
- Kleiner D.E.E.* Roman Sculpture. New Haven–London: Yale University Press, 1992. 477 p.
- Leppin H.* The Church Historians (I): Socrates, Sozomenus, and Theodoretus // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Ed. by G. Marasco. Leiden–Boston: Brill, 2003. Pp. 219–254.
- Madgearu A.* Operatiuni militare la nord de Dunare comandate de Constantin cel Mare // *Cruce si misiune. Sfintii Împarati Constantin si Elena*. Vol. I. București: Basilica, 2013. Pp. 303–317.
- Odahl Ch.M.* Constantine and the Christian Empire. London–New York: Routledge, 2004. 410 p.
- Page D.L.* Further Greek Epigrams. New York: Cambridge University Press, 1981. 598 p.
- Peter H.* Historicorum Romanorum Fragmenta. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1883. 429 p.
- Potter D.S.* Constantine the Emperor. New York: Oxford University Press, 2013. 368 p.
- Richarson L.* A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore–London: The Johns Hopkins University Press, 1992. 459 p.
- Sextus Aurelius Victor.* De caesaribus: edidit F. Pichlmayr. Leipzig: B.G. Teubner, 1970. 226 p.

Strobel K. Das Imperium Romanum im "3. Jahrhundert": Modell einer historischen Krise? Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1993. 408 S.

The Roman Imperial Coinage. Vol. VI. Ed. by Sutherland C.H.V. London: Spink & Son, 1967. 728 p.

Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon. Ed. S. Wahlgren. Berlin–New York: De Gruyter, 2006. 431 p.

Talbert R.J.A. The Senate of Imperial Rome. Princeton: Princeton University Press, 1984. 608 p.

Van Dam R. Roman Revolution of Constantine. Cambridge–New York: Cambridge University Press, 2007. 441 p.

Wesch-Klein G. Die Provinzen des Imperium Romanum: Geschichte, Herrschaft, Verwaltung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2016. 163 S.

Winkelman F. Historiography in the Age of Constantine // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Leiden–Boston: Brill, 2003. Pp. 1–41.

Wright D.H. The True Face of Constantine the Great // *Dumbarton Oaks Papers*. 1987. № 41. Pp. 493–507.

REFERENCES

Emperor Julian. Pir na Kronii (ili Kesari) [Feast on Kronia (or The Caesars)], in Emperor Julian. *Polnoe sobranie tvorenii [Opera omnia]*. St. Peterburg: Quadrivium, 2016. Pp. 213–248 (in Russian).

Mirolubov I.A. «Syn bozhestvennogo Constantina»: ob osobennostyakh kulta Konstantina Velikogo v pravlenie imperatora Konstancia ["Son of Divine Constantine": the Constantine's the Great Cult in the Reign of Emperor Constantius II], in *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2018. No. 1(59). Pp. 152–160 (in Russian).

Mirolubov I.A. Imitatio Romuli v propaganda Constantina Velikogo [Imitatio Romuli in the Constantine's the Great Propaganda], in *Nuntia Vetustatis: pamyati li Leonidovny Mayak*. St. Petersburg: Aletheia, 2021a. Pp. 152–164 (in Russian).

Mirolubov I.A. *Dinasticheskaya Politika imperatora Kostantina Velikogo* [The Dynastic Policy of Emperor Constantine the Great]. St. Petersburg: Aletheia, 2021b. 224 p. (in Russian).

Mirolubov I.A. Drepaniy o pirakh imperatora Feodosiya Velikogo [Drepanius on Theodosius the Great's Feasts], in *Indoevropeyskoye Yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2022. No. 26–2. Pp. 854–862 (in Russian).

Mirolubov I.A. O peremescheniyakh zhen rimskikh imperatorov rubeza III–IV vv. [Journeys of roman emperor's wives at the turn of III–IV c. AD], in *Adam & Eve: al'manakh gendernoy istorii*. 2023. No. 31. Pp. 134–167 (in Russian).

Mirolubov I.A. O prinadlezhnosi uzurpatora Prokopiya k domu Kostantina Velikogo [On the connection of the usurper Procopius and the house of Constantine the Great], in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekovye*. 2024. Vol. 36. Pp. 142–146 (in Russian).

- Miroljubov I.A. Osmyslenie lichnosti imperatora Konstantina Velikogo v IV–V vv. [Formation of the image of emperor Constantine the Great in 4th–5th centuries AD], in *Vizantiya, Evropa, Rossiya: sbornik statey*. St. Petersburg: RKHGA Publ., 2023. Pp. 335–349 (in Russian).
- Octavianus Augustus. Deyaniaya bozhestvennogo Avgusta [The Acts of the Divine Augustus], in *Krestomatiya po istorii Drevnego Rima*. Ed. by V.I. Kuzischin. Moscow: Vysshaya Shkola, 1987. Pp. 166–176 (in Russian).
- Tacitus. Annaly [Annales], in Tacitus. *Sochineniya [Opera]*. Ed. Ya.M. Borovskiy. Leningrad: Nauka, 1969. Pp. 7–326 (in Russian).
- Tsirkin Yu.B. Imperator Deciy: popytka vozrozhdeniya Rima [Emperor Decius: an attempt of Rome's recovery], in *Mnemon: issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira*. 2009. No. 8. Pp. 313–328 (in Russian).
- Ammianus Marcellinus. *History*. In 3 vols. Cambridge (MA)–London: Harvard University Press; William Heinemann LTD, 1986. 583 p.
- Arnheim M.T.W. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1972. 272 p.
- Bardill J. *Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age*. New York: Cambridge University Press, 2012. 440 p.
- Barnes T.D. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge–London: Harvard University Press, 1982. 305 p.
- Bennett J. *Trajan Optimus Princeps. A Life and Times*. London: Routledge, 1997. 312 p.
- Chastagnol A. *Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire*. Paris: Nouvelles Éditions Latines, 1962. 348 p.
- Divjak J., Wischmeyer W., hg. *Das Kalenderhandbuch von 354 – Der Chronograph des Filocalus. Bd. 2*. Wien: Verlag Holzhausen, 2014. 637 S.
- Doležal S. Constantine's military operations against the Goths and the Sarmatians in 332 and 334, in *Eirene. Studia Graeca et Latina*. 2019. No. 55 (1–2). Pp. 231–257.
- Doležal S. *The Reign of Constantine, 306–337*. Cham: Springer International Publishing, Palgrave Macmillan. 2022. 480 p.
- Eusebius. *Werke. I. Band: Über das Leben Constantins. Constantins Rede an die heilige Versammlung. Tricennatsrede an Constantin: heraufgegeben von I.A. Heikel*. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1912. 358 S.
- Griggs F.E. Trajan's Bridge: The World's First Long-Span Wooden Bridge, in *Civil Engineering Practice*. 2007. No. 22 (1). Pp. 19–50.
- Harries J. Pius princeps: Theodosius II and fifth-century Constantinople, in *New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, 4th-13th Centuries*. Ed. by P. Magdalino. Aldershot: Variorum, 1994. Pp. 35–44.
- Henzel J. The reconquest of Dacia by Constantine the Great, in *Byzantinische Zeitschrift*. 2023. No. 116 (1). Pp. 1–52.

- Humphries M. Emperors, usurpers and the city of Rome: performing power from Diocletian to Theodosius, in *Contested monarchy. Integrating the Roman Empire in the fourth century AD*. Ed. by J. Wienand. New York: Oxford University Press, 2015. Pp. 151–168.
- Kienast D. *Römische Kaisertabelle*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. 399 S.
- Kleiner D.E.E. *Roman Sculpture*. New Haven–London: Yale University Press, 1992. 477 p.
- Leppin H. The Church Historians (I): Socrates, Sozomenus, and Theodoretus, in *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Ed. by G. Marasco. Leiden–Boston: Brill, 2003. Pp. 219–254.
- Madgearu A. Operatiuni militare la nord de Dunare comandate de Constantin cel Mare, in *Cruce si misiune. Sfantii Împarati Constantin si Elena*. Vol. I. București: Basilica, 2013. Pp. 303–317.
- Odahl Ch. M. *Constantine and the Christian Empire*. London–New York: Routledge, 2004. 410 p.
- Page D.L. *Further Greek Epigrams*. New York: Cambridge University Press, 1981. 598 p.
- Peter H. *Historicorum Romanorum Fragmenta*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1883. 429 p.
- Potter D.S. *Constantine the Emperor*. New York: Oxford University Press, 2013. 368 p.
- Richardson L. *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. Baltimore – London: The Johns Hopkins University Press, 1992. 459 p.
- Sextus Aurelius Victor. *De caesaribus: edidit F. Pichlmayr*. Leipzig: B.G. Teubner, 1970. 226 p.
- Strobel K. *Das Imperium Romanum im «3. Jahrhundert»: Modell einer historischen Krise?* Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1993. 408 s.
- The Roman Imperial Coinage*. Vol. VI. Ed. by Sutherland C.H.V. London: Spink & Son, 1967. 728 p.
- Symeonis Magistri et Logothetae *Chronicon*. Ed. S. Wahlgren. Berlin–New York: De Gruyter, 2006. 431 p.
- Talbert R.J.A. *The Senate of Imperial Rome*. Princeton: Princeton University Press, 1984. 608 p.
- Van Dam R. *Roman Revolution of Constantine*. Cambridge–New York: Cambridge University Press, 2007. 441 p.
- Wesch-Klein G. *Die Provinzen des Imperium Romanum: Geschichte, Herrschaft, Verwaltung*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2016. 163 S.
- Winkelman F. Historiography in the Age of Constantine, in *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Leiden–Boston: Brill, 2003. Pp. 1–41.
- Wright D.H. The True Face of Constantine the Great, in *Dumbarton Oaks Papers*. 1987. No. 41. Pp. 493–507.

Статья принята к публикации 22.07.2024